

Мачинский Владимир Дмитриевич

**Крестьянское строительство в
России**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В57

В57 **Владимир Дмитриевич М.**
Крестьянское строительство в России / Мачинский Владимир Дмитриевич – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 112 с.

ISBN 978-5-519-95792-2

ISBN 978-5-519-95792-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Часть I.

Прошлое и настоящее нашего сельского строительства.

ГЛАВА I.

Сельское строительство в прошлом.

Наша история—это история колонизации громадной страны, восточно-европейской равнины. Эта колонизация началась с VII века, когда наши предки славяне, жившие до того времени у Карпат, двинулись первоначально в долину Днепра.

Таким образом, Карпаты и затем Приднепровье Киевской Руси были первыми известными в истории долговременными очагами славянства *).

Следовательно здесь, в этих местах, мы должны искать первых следов славянского искусства—в частности, строительного искусства, которое в то время было в сущности искусством крестьянским: немногие крупные постройки городов (храмы) возводились иностранцами (греками) по иностранным образцам и стоят таким образом вне нашего собственно народного творчества, прочие же рядовые дома в городах имели в общем крестьянский тип **).

Колонизация бассейна Днепра создала, как известно, первое национальное государство—Киевскую Русь с ее северным продолжением в Новгородской области. Это было преимущественно торговое государство, сплавлявшее по Днепру и Волхову товары в Византию и Европу. Главными товарами были: рабы, меха, мед и воск. Богатое рабовладельческое купечество и князья с своими дружинами основались в торговых городах по берегам

*) У Карпат славяне жили около 5 веков. До поселения у Карпат они жили по Дунаю, где о них упоминают древние историки еще во II веке по Р. Х. Но остается неизвестным, насколько продолжительным и устойчивым было их пребывание здесь.

В дальнейшем изложении, в исторической части мы будем держаться более всего В. О. Ключевского—этого величайшего из наших историков с глубоконациональным характером понимания и изображения процессов русской истории.

**) Это доказывается приводимыми ниже данными о раскопках и тем более общим наблюдением, что существенного различия городских планов от деревенских не было даже в XVII и XVIII в.в., как это видно на примере реставрации дома Щукиной в Калуге и по ряду других памятников.

больших рек, а масса крестьянского населения рассыпалась по лесам и межлесным угодьям, промышляя звероловством, бортничеством (лесным пчеловодством) и отчасти земледелием.

При колонизации, в погоне за удобными угодьями и свободными лесами для охоты, крестьяне селились сначала отдельными небольшими дворами, которые затем разрастались в деревни. Но на краю лесной полосы — в лесостепи и в самой степи — приходилось располагаться только большими селениями, так как частые нападения диких степных кочевников — печенегов, угров, половцев — делали эти места особенно опасными. Как известно, давление этих кочевников, особенно усилившееся в XII и XIII в.в., было одной из главных причин последующего запустения Киевской Руси и отлива населения на север, в центральные лесистые области.

Насколько тяжела была жизнь крестьянина в соседстве со степью, покажут слова Владимира Мономаха на княжеском съезде в 1103 году: «Весною выедет смерд (крестьянин) в поле пахать на лошади; и придет половчин, ударит смерда стрелю и возьмет его лошади; потом приедет в село, заберет его жену, детей и все имущество, да и гумно его зажжет».

Эта необезпеченность крестьянской оседлости и домоводства была одной из важнейших причин, мешавших хорошему, долговечному строительству крестьянства в этом плодородном краю. Бесчисленные «поганые» вечно держали население в страхе, оно должно было постоянно быть готовым к бегству и переселению.

И действительно часто и бежало и переселялось. Сначала переселялось в ближайшие, более безопасные места, под защиту городов («огороженных» стенами) или за укрепленную внутреннюю границу в виде сплошных валов и засек.

Так, волость Поросье, лежавшая к югу от Киева и бывшая со времен Ярослава очень людной, хорошо заселенной, к концу XI века опустела, так как от непрерывных половецких набегов все жители ушли в Киев и в лежащие за ним лесные места.

С течением времени положение все ухудшалось. Князья с их дружинами не в силах были защищать всю границу со стороны степи — тем более, что постоянно враждовали между собой.

«Под гнетом этих тревог и опасностей», говорит историк, «при возмставших усобицах князей, почва общественного порядка в Киевской Руси становилась зыбкой, ежеминутно грозившей погромом: возникало сомнение в возможности жить при таких условиях. В 1069 году, когда Изяслав, изгнанный киевлянами за нерешительность в борьбе с половцами, шел на Киев с польской помощью, киевское вече просило его братьев Святослава и Всеволода защитить город отца своего; «а не хотите» — прибавили киевляне — «нам ничего больше не остается делать — важем свой город и уйдем в греческую землю». Русь истощалась в средствах борьбы с варварами. Никакими мирами и договорами нельзя было сдержать их хищничества, бывшего их привычным промыслом. Мономах заключил с ними 19 миров, передавал им

множество платья и скота—и все напрасно. С той же целью князья женились на ханских дочерях; но тесть по прежнему грабил область своего русского зятя без всякого внимания к свойству. Русь окапывала свои степные границы валами, огораживала цепью острожков и военных поселений, предпринимала походы в самые степи; дружинам в пограничных со степью областях приходилось чуть не постоянно держать своих коней в поводу, в ожидании похода» *).

С половины XII века напор варваров еще усилился. Число их росло, а силы князей все более дробились во взаимных распрях. Положение ухудшилось. В 1167 году Мстислав, уговаривая других князей на совместный поход против половцев, печально говорил: «Пожалейте о русской земле, о своей отчине; каждое лето поганые уводят христиан в свои вежи; а вот уже и пути (торговые) от нас отнимают».

Но уводили «христиан» в полон не только половцы. Им гровил еще другой, экономический плен от своих единоверцев—тех же князей, бояр и «лепших людей» из торгового класса. Рабы и рабовладение были, как упомянуто выше, одной из важнейших статей в экономическом строе Киевской Руси, а потому прежде вольное крестьянство стало попадать все в большую зависимость от владельцев и военного класса: каждая неуплата долга или значительная провинность ставили крестьянина в положение зависимого крепостного («вакуна»), а затем и в полное рабство у владельца, при чем он уже поступал на иновемный рынок, как ходовой товар.

Наконец, не меньшие беды гровили крестьянину еще и с третьей стороны: бесчисленные убоиды князей между собою сопровождались постоянным разорением «отчин» друг друга—т. е. городов и волостей, крестьянских поселений. При этом население уводилось в рабство и также поступало на рынок или же применялось, ввамен домашнего скота, для обработки земель во владениях победителей. В то время сложилась известная поговорка про князя Романа Волынского; «худым, Романе, живеши, литвою ореша». Но «орали» тогда не только пленной Литвой, но и пленными крестьянами соседних русских же областей. Послушаем историка:

«Владимир Мономах был самый добрый и умный из Ярославичей XI—XII в.в., но и он был не чужд этого хищничества. В своем поучении детям он рассказывает, как напавши раз врасплох на Минск он не оставил там «ни челядины, ни скотины». В другой раз сын его Ярополк (1116 г.) захватил Друцк в том же Минском княжестве и всех жителей этого города перевел в свою Переяславскую волость, построивши для них новый город, при впадении Сулы в Днепр. Летописец XII в., рассказывая об удачном вторжении князя в чужую волость, иногда заканчивает рассказ замечанием, что победители воротились, «ополонившись челядью и скотом». Обращали в рабство и пленных соотечественников: после неудачного нападения рати Андрея Боголюбского на Новгород в 1169 году там продавали пленных суздальцев по

*) «Курс русской истории» Ключевского, т. I стр. 345—6.

2 ногаты за человека. Так же поступали с пленной русью половцы, которых князья русские в своих усобицах не стыдились наводить и на русскую землю. Превратившись в хищническую борьбу за рабочие руки, княжеские усобицы еще более увеличивали тяжесть положения низших классов, и без того пониженных аристократическим законодательством XI—XII в.в.» (стр. 343—4).

Положение становилось с течением времени все более невыносимым и повело к дальнейшему отливу крестьянства—но уже не в ближние места, а на далекий северо-восток, под защиту его дремучих лесов и бесчисленных рек и болот. Так неустойчивость хозяйственной жизни крестьянства и вынужденные переселения с места на место мешали образованию в нем прочных бытовых привычек к хорошей, долговечной стройке.

Как же строилось крестьянство в это время? К сожалению, главным строительным материалом в то время были дерево и сырая глина; поэтому не могло сохраниться до нас значительных остатков жилищ того времени, по которым можно было бы видеть их устройство. Однако кое-что все же сохранилось. При раскопках в Киеве (в усадьбе М. М. Петровского) и в селе Белгородне Киевского уезда найдены остатки жилищ примерно IX—X в., описанные археологом В. В. Хвойко. Судя по этим остаткам, жилища того времени представляли собой полуземлянки, углубленные в землю аршина на 2. Размеры их в плане были примерно: 6—7 арш. ширины и 9—10 арш. длины. Стены рубились из толстых сосновых бревен, при чем нижний, самый толстый ряд погружался еще несколько ниже пола, в особые вырытые для этого канавки. Стены обмазывались глиной изнутри, а над землей—еще и снаружи. Полom служил природный слой глины, утрамбованный сверху. Не осталось никаких следов от потолка, крыши, окон и дверей; устройство их остается неизвестным.

Интересен вопрос о плане этих жилищ. Описанная постройка делилась поперек на две равные части внутренней бревенчатой стеной (не доходившей однако до потолка). Затем, по описанию археолога, к одной из коротких сторон полуземлянки делалась обычно пристройка с полом, лежавшим выше предыдущего на 3—4 земляных ступени. Таким образом получается троечастный план, какой и теперь господствует при устройстве крестьянских жилищ (рис. 1). Но теперь средний сруб служит сенями, один из крайних (передний) главной избой, а другой—задней избой (клетью, горницей, боковушей). Как было в то время?

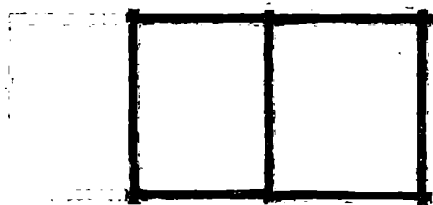

Рис. 1. Примерный план древней крестьянской полуземлянки по раскопкам Хвойко.

Тогда, повидимому, более легкая крайняя пристройка служила крытыми сенями, так как в нее вели земляные ступени (5—6 шт.) снаружи. В следующей половине была расположена печь. Она делалась из бревен или досок с толстой глиняной обмазкой, у которой наружные поверхности разрисовывались

узорами и красками. Дымовой трубы, повидимому, не было, жилище отапливалось по черному, с выходом дыма через отверстие в крыше или через окно. Около печи, в глиняном полу делалась небольшая яма в виде котла— для отбросов.

Печь обогревала одну из двух главных половин избы; вторая согревалась через прозор над разделяющей стеной, под потолком.

Нетрудно понять весь этот способ строительства при обстоятельствах того времени. Землянки и полуземлянки были самыми простыми и теплыми постройками, доступными искусству и средствам того времени. В таких жилищах обитали большинство полудиких племен, когда еще не вполне прочно перешли от кочевого образа жизни к оседлому*). В Днепровской же Руси, как мы видели, было много причин для того, чтобы крестьянин не думал о долговечной постройке: со всех сторон ему грозили опасности и тяготы, со всех сторон к нему тянулись хищные руки внешних и внутренних врагов. А рядом, к северу были беспредельные леса, никем не занятые (кроме редкой чуди, мелких финских племен), «божны», без половцев, купцов и бояр... Отсюда эта неустойчивость его жизни и эти землянки из дерева и глины, отсюда эти легкие, упрощенные постройки, какие бывают и в наше время после стихийных бедствий, внезапно уничтоживших постоянные жилища (война, пожар, наводнение).

Что же касается плана, то его отличие от позднейших крестьянских жилищ по расположению сеней вытекает уже из самой этой погруженности жилища в землю: ясно, что крыша над входными сенями и спуском в них должна была быть выше, чем над остальным жильем, и если бы она приходилась посредине постройки, то разделяла бы ее низкую крышу на две отдельные части, а это сильно затрудняло бы все покрытие. Поэтому сени и располагались с краю.

В более поздней надземной постройке этого затруднения не было, и потому вступило в силу естественное стремление строителей избегать проходных комнат: сени стали помещаться между двумя главными срубами постройки.

Так строилось славянское крестьянство Киевской Руси, пока, истощенное непосильной борьбой и тяготами, оно не стало, наконец, совсем покидать свои едва насиженные места в Приднепровьи.

Ушло оно большею частью на север, а оставшееся на юге, в степи, так и продолжало селиться крупными селениями. Это вынуждалось здесь, кроме внешних опасностей, еще и недостатком воды в сухой степи; приходилось держаться редких, более низких мест по рекам и балкам и там

*) Подобные полуземлянки мы видим и теперь у тех отсталых частей нашего населения, которые переживают переходный период от кочевого образа жизни к оседлому (калмыки, киргизы и пр.). См. об этом в конце 2-й главы. То же видим и в других странах и в другие исторические периоды, когда создавались подходящие условия. Таковы были, напр., жилища доарийского населения Италии—сиккулов и сиканов. См. об этом у проф. Модестова «Введение в римскую историю» СПб, 1902—1904 г. Изд. Археологич. общ-ва.

О таких же жилищах древней Армении упоминает Ксенофонт; Тацит отметил их у германцев и т. д.

распространяться большими селениями. Плодородие окружающих земель давало возможность кормиться даже таким значительным скоплениям населения.

Эти особенности крестьянского расселения на нашем юге сохранились и на все последующее время. Селения здесь раскинуты по низинам, где есть вода, они редки, но велики: среднее южное селение обыкновенно насчитывает сотни дворов, тысячи душ и часто превосходит по величине средний уездный город центральной России.

В то же время, за недостатком строевого леса, население все более применяло в постройках сырую глину. Остов, по которому ею мазали, постепенно превратился из бревенчатого сруба, бывшего в старину, в легкий скелет, заполняемый хворостом или очеретом (камышом) и затем покрываемый слоями глины. Кроме нескольких деревянных стоек и обвязок, все остальное делалось из хвороста, глины и соломы. Последней крылись крыши; чтобы не делать у них досчатых фронтонов, крыши строились четырехскатные.

Тем не менее хата постепенно вылезла из земли*)—особенно в позднейшие столетия, когда на севере усилилось Московское государство, а «поганые» в степях ослабели; началось обратное наступление русского племени на юг, увеличилась безопасность крестьянского хозяйства. Однако южный крестьянин все же неохотно отрывался в своей постройке от теплой и сухой почвы, его хаты низки и теперь, а поля их часто расположены прямо на почве и делаются из глинобитной массы.

Теперь посмотрим, как устроивалось уходившее крестьянство на севере.

Здесь, в междуречьи Оки и Волги, страна была лесистая, сырая, изрезанная бесчисленными речками и болотами. Угодья; удобные для хлебопашества, были рассеяны мелкими клочками на более ровных, менее сырых местах. Они чередовались с лесами, оврагами, рыбными реками и озерами, заливными лугами. Поэтому крестьянин стал селиться здесь сначала отдельными дворами и малыми деревушками, выбирая более ровные и удобные места, пользуясь мелкими, но часто расположенными угодьями.

Однако, несмотря на большую безопасность, сравнительно со степным югом, крестьянское хозяйство и в этом краю не скоро стало устойчивым и оседлым. В отличие от черноземного юга, почва здесь была мало плодородной. В новы, особенно после выжженного леса, она давала несколько хороших урожаев, но затем ей надо было долго отдыхать—тем более, что тогда не знали навозного удобрения. Приходилось забрасывать использованную землю, искать новых удобных мест и, стало быть, передвигаться со всем хозяйством далее. Эта „передожная“ система хозяйства продолжалась здесь целые столетия и была новой причиной, мешавшей прочному обоснованию крестьянского хозяйства на одном месте, а потому и здесь крестьянин долгое время продолжал строиться кое-как, на время, по походному. Таким образом его однодворки и деревушки представляли в этом краю не только мелкую, но еще

*) Еще в XIX в., согласно Л. В. Далию, в Херсонской губ. были нередки хаты, углубленные в почву—правда, менее, чем ископаемые Киевские. Очевидно, это—переходная ступень в постепенном вылезании из земли с ростом оседлости и культуры.

и подвижную рубсыпь. Такое положение продолжалось до XVII века, когда с ростом населения стало трудным переселяться с места на место, переложное хозяйство стало заменяться трехпольем, а в законодательстве появились прямые запрещения бросать „тяглую“ землю, с которой платились повинности.

Не забудем еще, что и после закрепления крестьянских хозяйств по местам не было достаточно благоприятных условий для прочного обоснования и строительства. Прикрепление к земле совпало с началом крепостного права, земля принадлежала не крестьянину, а владельцу или казне, им же принадлежал и сам крестьянин. Снова, подобно тому, как на юге, он был почти вещь, его могли выселять и часто даже продавать, как товар. Ясно, что ему было не до того, чтобы думать о прочном доме и хозяйстве. В сущности только с падением крепостного права, т.-е. со второй половины XIX века, создалось такое положение, когда крестьянин стал более или менее самостоятельным хозяином на своем дворе и участке и мог думать о прочном устройстве своего дома.

Возвращаемся однако к расселению крестьянства в центральной области. Главные особенности этого расселения—мелкими и частыми деревнями по более ровным и открытым местам (в противоположность югу)—сохранились и до настоящего времени. Только население стало гораздо гуще, небольшие деревни и села—обыкновенно в несколько десятков, много в сотню дворов—расположены теперь чаще, иногда через несколько верст одна от другой.

Строительным материалом стало здесь, конечно, дерево, которое было в этих местах в изобилии. Затем, как и на юге, широко применялась на кровлю солома, хотя и она часто заменялась тем же деревом (тесом, дранкой, гонтом).

Для прокладки пазов рубки служил обильный лесной мох, а впоследствии, с развитием льноводства на севере, получался еще лучший материал—пакля.

В отличие от древнейших построек юга, здесь нельзя было углубляться в землю, сырость почвы заставляла держаться жильем подальше от нее, вышпать постройку, оставляя некоторое подполье.

Пришлось приспособляться и к другим переменам. Более холодный климат заставлял беречь тепло, кутаться со своими постройками, прижимая их одну к другой, а все их—к избе. При этом облегчался и уход за скотом в долгую зимнюю стужу, и менее донимали снежные заносы. Крестьянская дворовая застройка представляла вместе с избой непрерывное целое, тогда как на юге службы стояли большей частью отдельно.

Посмотрим теперь, какой вид и план имела эта постройка в то далекое от нас время. Непрочность ее материалов была причиной того, что от этих построек не сохранилось ничего до нашего времени. Единственным источником для понятия о них служат теперь старинные рисунки, дошедшие до нас; да и те относятся уже к XVII веку и принадлежат преимущественно иностранцам, путешествовавшим по России (Мейерберг, Олеарий). Из русских источников большое число крестьянских изб изображено на древнем плане Тихвинского монастыря. Однако, все эти рисунки дают толь-

ко общий вид деревни или улицы, а не изв самих-по-себе. Поэтому изображения в них очень неопределенны и небрежны, в некоторых случаях даже просто непонятны и недостоверны. Но в общем они все же дают нам приблизительное понятие о крестьянских постройках того времени.

Судя по этим рисункам, тогда, как и в Киевской Руси, преобладали троечастные планы. Но средняя часть срубов занята, как и в настоящее время, сенями, а две крайних—помещениями для жилья, при чем одно служило, вероятно, для зимы, а другое—для летнего времени, когда духота русской печи—топившейся притом по-черному—становилась невыносимой.

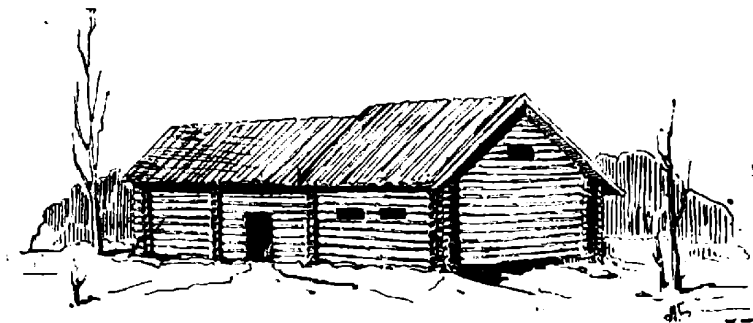

Рис. 2. Вид старинной крестьянской избы из рис. «Деревня Рахино» Мейерберга.

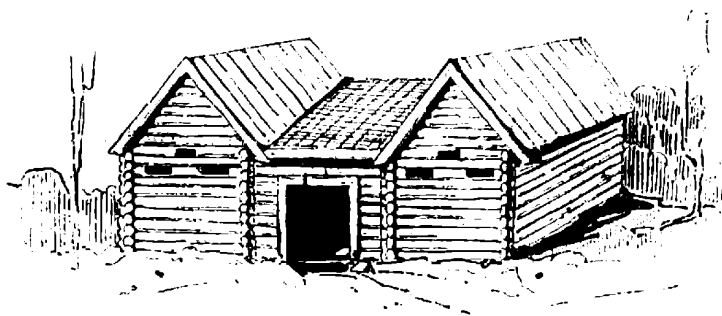

Рис. 3. Крестьянская изба по «плану Тихвинского монастыря».

Такое назначение двух срубов избы—переднего и заднего—всюду встречаем, как известно, и в настоящее время.

Такое же сходство с настоящим видим и в расположении изб относительно улицы: они ставились на улицу то узкой стороной, то длинной. Первый тип изображен на рис. 2, взятом с рисунка Мейерберга „Деревня Рахино“, а второй—на рис. 3—с плана Тихвинского монастыря. На последнем две избы одного домохозяина изображены одна за другой по улице, разделяясь низкими сенями под отдельной крышей.

Избы были рубленые из бревен с таким же рубленным фронтоном. Крыты они, повидимому, тесом, хотя этот материал был тогда дорогим и хлопотли-

вым: за неизвестностью в практике того времени пил доски вытесывались из бревен топором (откуда и название их «тѣс»). Возможно, что кровельным материалом была очень длинная дрань. Интересна еще та особенность этих крыш, что они имеют по всей длине гнѣты, какие применяются теперь только при соломенных кровлях (см. рис. 6, дальние избы). Это объясняется тем, что в старину не было металлических гвоздей, особенно проволочных: доски или дрань могли прибиваться только деревянными гвоздями, для которых нужно было вертеть дыры. Это было хлопотливо и применялось редко; поэтому и приходилось прижимать тес или дрань бревенчатыми гнѣтами.

Очень своеобразны окна этих изб. В то время у нас не было известно оконное стекло, окна затягивались в деревне обыкновенно бычьим пузырем. Они были очень малы, особенно по высоте, и имели вид теперешних хлевных отдушин. Большею частью на фасаде избы имеется три таких окна, расположенных так, что среднее выше двух крайних. Это вызывалось повидимому, обычной в то время топкой печей по-черному, при чем верхнее окно и служило для выхода дыма. Такое объяснение подтверждается, во-первых, тем, что у всех таких изб не показано дымовых труб; в тех же старинных рисунках изб, где показаны трубы (напр., на древней иконе св. Александра Свирского)—нет этого треугольного расположения окон, они стоят все в ряд. То же видим и на рисунках городских домов в сочинении Адама Олеария (XVII в.); в них имеются дымовые трубы, и окна расположены все на одной высоте. Исключения из этого правила очень редки и объясняются, надо думать, небрежностью рисунка.

Наконец, расположение окон на разной высоте сохранилось отчасти кое-где и доныне—и мы можем видеть его причины. Так устраиваются, например, окна в крестьянских банях на нашем далеком севере, в Вологодской губ. Одно из двух окон этой постройки делается на обыкновенной высоте, а другое под самым потолком, так как банные „каменки“ и теперь топят там по-черному. Дальний север вообще хорошо сохранил у нас старинные обычаи в своих бесконечных лесах и болотах.

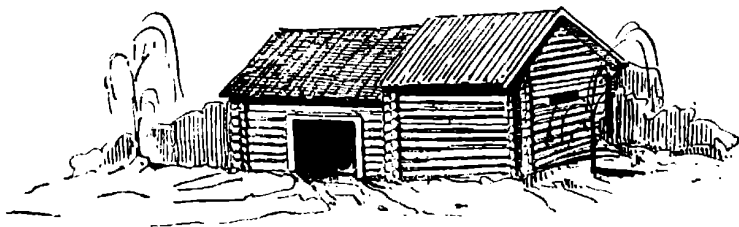

Рис. 4. Крестьянская изба по «плану Тихвинского монастыря».

Конечно, не все избы на старинных рисунках имеют указанный выше вид и троечастный план; встречаются избы из двух срубов и даже из одного (рис. 4). Но, ведь, и современные избы имеют те же различия в зависимости, главным образом, от состоятельности крестьянских семей.

Кроме жилой избы, интересно было бы знать вид и расположение крестьянских служб, а затем и застройку всего двора в целом. Но если уже жилизбы изображались на старинных рисунках так неясно, то о службах и говорить нечего: им не уделял внимания ни живописец, ни те, для кого писались все эти планы монастырей, виды поселений и иконы.

Но на одном из рисунков иностранного путешественника по России в XVII веке Мейерберга, а именно на рисунке под заглавием „Деревня Рахино“ (см. рис. 5) показан, хотя и неясно, ряд изб—повидимому, уличный—а на

Рис. 5. Вид деревни по рис. «Деревня Рахино» Мейерберга.

другой стороне улицы против них расположены одиночные низкие постройки. Вероятно, это амбары и бани—все это показано на берегу реки. Здесь интересно самое местоположение служб: и теперь еще во многих губерниях (особенно в Ярославской, Нижегородской, Саратовской, Пензенской) можно видеть деревенские улицы с одним рядом домов и с амбарами, подвалами или «выходами» на другой стороне *).

На одном рисунке другого иностранного путешественника—Ад. Олеария—под заглавием «Луговые черемисы» (из волжских снимков) изображен на первом плане молотильный сарай. Вид его весьма близок к современному (рис. 6 **).

Наконец, еще в одной части упомянутого выше „плана Тихвинского монастыря“ видим небольшой, но ясно набросанный рисунок деревенской улицы XVII века, вернее, одного уличного порядка изб (рис. 7).

*) „Выходами“ называются огнестойкие кладовые из глины, кирпича или камня, служащие для хранения продуктов, а в случае пожара—для укрывания в них всего имущества (откуда и их название).

**) Архит. Красовский в своем «Курсе истории русской архитектуры» т. I, стр. 43—44 принял эту постройку за жилую избу. Это показывает, как опасно пускаться в исследование старинного крестьянского строительства, когда не имеешь знания и понимания существующего.